

ЭКСПЕРИМЕНТ В СМИРЕНИИ

Малявин Владимир Вячеславович

Доктор исторических наук, профессор
Института изучения Европы Тамканского
университета (Тайвань).

Китаевед, культуролог, автор более 40 книг по
вопросам истории и культуры Китая и стран
Восточной Азии, сравнительного изучения
цивилизаций, переводчик произведений
китайской классической философии и
словесности.

Тайвань, Синьбэй (Нью-Тайбэй).

Аннотация

Искусствоведы часто удивляются – искренне или притворно – необычайной жизненности художественных традиций. Гораздо реже они могут объяснить, почему жизненно именно традиционное искусство. Творчество художника Цай Юй-чэнь из города Бэйган помогает понять эту загадку.

Ключевые слова: художник Цай Юй-чэнь, современное искусство Тайваня, китайская каллиграфия, китайское традиционное искусство.

Библиографическое описание для цитирования:

Малявин В.В. Эксперимент в смирении // Искусство Евразии. – 2016. – № 2(3). – С. 93-99.
DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2016.02.009. [Электронный ресурс] URL:
<https://readymag.com/u50070366/575921/21/>

Бэйган, что значит буквально Северная гавань, – один из самых древних городов Тайваня. Он расположен на западном берегу острова в его южной части, куда прибывали первые волны переселенцев с материка. Здесь есть старинный, сохранившийся почти без изменений храм богини мореплавания Ма-цзу, покровительствовавшей тем, кто отваживался пересекать Тайваньский пролив. Рядом с храмом высится гигантская современная статуя Ма-цзу, протягивающая людям руки в жесте любви и помощи.

У ног богини – море невзрачных, без претензии выстроенных домов, рассеченных узкими, изгибающимися улочками. Типичная картина провинциального тайваньского города: хаотически-пестрая и текучая, как сама жизнь. И, как жизнь, исполненная какой-то внутренней и бездонной силы. Неизбывная сила жизни кроется в ее самом естественном, непритязательном, будничном виде: вот чем живет великая традиция китайского искусства.

*Рис. 1. Гигантская статуя богини Ма-цзу осеняет весь город
Бэйган своим жестом сострадания и помощи людям.*

У ног богини – море невзрачных, без претензии выстроенных домов, рассеченных узкими, изгибающимися улочками. Типичная картина провинциального тайваньского города: хаотически-пестрая и текучая, как сама жизнь. И, как жизнь, исполненная какой-то внутренней и бездонной силы. Неизбывная сила жизни кроется в ее самом естественном, непритязательном, будничном виде: вот чем живет великая традиция китайского искусства.

Богиня Ма-цзу смотрит прямо в окно мастерской местного художника Цай Юй-чэня. Это не счастливая случайность. Отец Цая всю жизнь был, говоря по-русски, заместителем старосты храма Ма-цзу, который славится на весь Тайвань. В дни поклонения богине здесь собираются десятки тысяч жителей острова и даже приезжих из континентального Китая. Но каждый день покровительница мореплавания дарит вдохновение художнику, и это в конце концов не кажется странным. Разве художники не те же аргонавты духа?

Невыразителен, но исполнен кипучей внутренней силы образ тайваньского города. Скромны и сдержанны манеры Цай Юй-чэня. Скромна, начисто лишена всякой вычурности жизнь этого художника. На столах только бумага, тушь, кисти. На стенах только картины. Ничего лишнего в обстановке мастерской, разве что два-три антикварных предмета – свидетелей вечности. Никаких нарочитых эффектов в живописи или в письме. Невольно вспоминаются строки Пастернака:

Он жаждал воли и покоя,
А годы шли примерно так,
Как облака над мастерскою,
Где горбился его верстак.

Странное дело: на далеком Тайване эта исповедь русского поэта звучит еще понятнее, еще убедительнее.

*Рис. 2. Художник Цай Юй-чэнь
всегда скромен и сдержан, особенно
когда работает.*

Смирение – вот главная добродетель художника традиции. Она родственна не напускной скромности, с которой иностранцы часто путают традиционную китайскую любезность, а необычайной сосредоточенности духа – неперемного условия творчества. Кто хочет быть восприимчивым традицией, должен уметь вложить всю свою жизнь в один взмах кисти. Еще один русский поэт, Волошин, сказал об этом словами, удивительно созвучными принципам восточного искусства:

Букву за буквой врубать на твердом и тесном камне:
Чем скуперее слова, тем напряженней их сила...
В трезвом, тугом ремесле – вдохновенье и честь поэта:
В глухомеом веществе заострить запредельную зоркость.

Вот почему я верю – и много раз убеждался в этом, – что за пределами множества поверхностных различий, разделяющих народы, мастера искусств открывают всем понятную и близкую правду жизни – единственную и общую для всех.

Цай Юй-чэнь родился в 1963 году и никогда не покидал свой родительский дом у храма Ма-цзу. В свои пятьдесят с лишним лет он остается неженатым. Говорит, семейная жизнь отвлекала бы его от творчества. Каждый божий день Цай работает в своей мастерской. Он призывает вдохновение, молясь Ма-цзу, слушая традиционную музыку и потягивая из маленькой чашки местный желтоватый чай. Рисованием Цай увлекся уже в старших классах средней школы – как раз в ту пору юношества, когда большинство детей перестают баловаться кистями и красками. Интерес к живописи пришел к нему так естественно, что он даже не помнит, когда и как это произошло. На протяжении многих лет его неизменным учителем был известный тайваньский живописец и каллиграф Цай Жун-си, профессор Педагогического университета в Тайбэе. Цай Юй-чэнь брал у профессора Цая частные уроки вместе с двумя другими учениками. Его учитель-эрудит привил ему любовь к классической китайской живописи и каллиграфии.

Вот уже три десятилетия Цай Юй-чэнь старательно постигает все тонкости этой традиции в ее многообразных проявлениях. Его творчество есть, по сути, учение и даже особого рода эксперимент. Мы привыкли думать, что эксперимент в искусстве есть создание оригинальных, даже шокирующих форм, проба новых материалов, рождение новых идей. Конечно, эксперимент – это проба сил и возможностей человека. Но ведь эксперимент может быть и попыткой вернуться к самому естественному состоянию, к источнику жизни в себе. Насколько человек – это буйное, мятежное существо – способен принять покой в своей душе? Насколько может он использовать затаенную мощь этого покоя, ибо нет ничего более сильного и вечного, чем сила самой жизни? Классическое искусство Китая как раз и есть такой эксперимент. Эксперимент в смирении, требующий устранить в себе все частное, преходящее, субъективное. Тот, кто успешно свершит его, перестанет быть просто «индивидом», одним из многих. Он откроет в своей человечности полноту человечества. Он обретет в себе уверенность мастера, не лишая себя пылкости ученика.

Органическая связь творчества и ученичества, мастерства и эксперимента в работах Цай Юй-чэня несколько не означает стилистического однообразия. Напротив, творчество Цая на удивление полифонично, в нем соприкасаются и переплетаются стили многих мастеров и эпох. И это тоже характерная особенность тайваньского искусства, как и тайваньской кухни, и всего жизненного уклада на Тайване: создать синтетически-обобщенный образ китайской культуры и тем самым придать ей новый аромат, новое звучание. А эта новизна в свою очередь неожиданно обнажает самые глубокие, скрытые под наслоениями истории свойства китайской художественной традиции. Когда-то древний конфуцианский философ Мэн-цзы сказал: «Если ритуал утрачен, ищите его среди дикарей». Глядя на «экспериментальное мастерство» тайваньских живописцев традиционного направления, открываешь в этих словах некий пророческий смысл. Да и в демократическом строе Тайваня отчасти возродился принцип свободного соперничества всех философских школ, характерный для доимперской эпохи древнего Китая. В таком случае не кажется случайным и тот факт, что Цай на своем пути к истокам китайского искусства и духовности пользуется исключительно местными материалами. И бумага, и кисти, и тушь в его мастерской произведены на Тайване, поскольку, говорит он, они «лучше китайских».

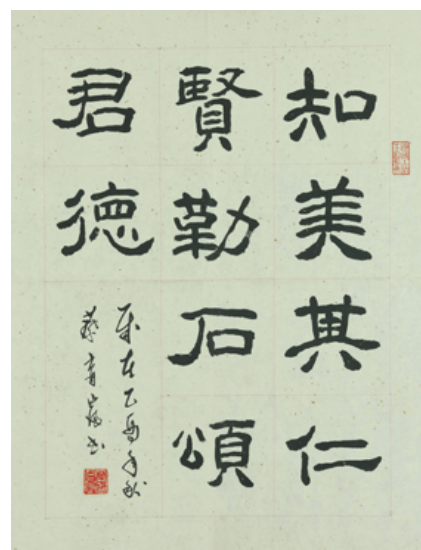

Рис. 3. Предмет особой любви Цая – четко выписанные, как бы коренастые и немного вытянутые по горизонтали иероглифы в стиле каллиграфических надписей на горе Тайшань.

Цай Юй-чэнь прекрасно владеет всеми классическими стилями китайской каллиграфии, но отдает предпочтение (одновременно!) и строгим, немного тяжеловесным знакам эпохи Южных и Северных династий (IV-VI вв.), и динамичной скорописи живописца XII века Ми Фу. Однако предмет его особенной любви – каллиграфический стиль, характерный для надписей на знаменитой горе Тайшань с его четко выписанными, как бы коренастыми, слегка вытянутыми по горизонтали, одним словом – наполненными все тем же углубленным динамизмом жизни иероглифами. Он не приемлет «модернистских» инноваций в каллиграфии, ломающих стилистические каноны. Он уверен, что чистота и покой сердца, которых требует занятие каллиграфией, ярче всего проступают там, где каллиграф следует классическим, сверхиндивидуальным образцам.

Рис. 4. На пейзажах Тайваня лежит печать западного реализма, хотя цвета в них сохраняют свой декоративный характер.

Рис. 5. Облачный пейзаж в стиле Ми Фу – важный мотив в творчестве Цай Юй-чэня.

Живопись Цая отличается не меньшим художественным плюрализмом. Здесь и классические стебли бамбука, и традиционные пионы и цветы сливы, ставшие в Китае символом красоты, и туманные пейзажи в духе Ми Фу, и крабы а ля Ци Байши, и портреты кумиров ученого сословия старого Китая, вроде поэта Сунской эпохи Су Дунпо, и даже пейзажи Тайваня, выполненные в современной манере с применением обширной палитры красок.

Но при всем разнообразии сюжетов и стилей работам Цая всегда свойственна классическая строгость изображения, даже несмотря на то, что в последние столетия китайской истории она часто – и нередко гениальным образом – нарушалась многими первоклассными живописцами. Эти нарушения предстают свидетельствами кризиса и медленного разложения традиционного китайского мировоззрения, но одновременно и попытками художников уберечь правду бодрствующего сердца. Ведь художники в Китае никогда не рисовали с натуры. Они стремились отобразить внутреннюю глубину сознания, которая есть не что иное, как наша соотнесенность с миром или, точнее, спонтанное соответствие творческим метаморфозам мировой жизни. Образы внешнего мира только скрывают эту правду бдящего сердца. Но эта правда и не может не быть скрытой за поверхностной понятностью внешних образов. С этой точки зрения примечательны виды Тайваня в творчестве Цая: на их композиции, как и на значительной части современной тайваньской живописи в традиционном вкусе, лежит печать западного реализма с его законами прямой перспективы, хотя их цветовая гамма сохраняет свой декоративный и, соответственно, символический характер. Это сочетание внутреннего, духовного видения и внешнего взгляда придает живописи современного Тайваня особый, я бы сказал, смиренный драматизм.

Художник, преданный традиции, призван не выражать, а скрывать свою творческую индивидуальность в безупречной технике живописи, понимаемой в ее подлинном смысле живого письма. Загадочный постулат? Только если мы пытаемся его объяснить и обосновать. В действительности нет ничего более естественного и каждому близкого, чем это усилие самосокрытия, которое возвращает нас к началу мира и собственной жизни. Мудрый художник говорит о себе не образами, а пустотой, их разделяющей и создающей ритм, сменой или, точнее, наложением разных ракурсов видения. Он спокоен и досконально честен в своем поиске: ведь он ищет не славы, а вечности. А ведь нет ничего более вечного, чем летучее, эфемерное мгновение настоящего.

Статья поступила в редакцию 15.08.2016 г.

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2016.02.009

AN EXPERIMENT IN HUMILITY

Malyavin Vladimir Vyacheslavovich
Doctor of Historical Sciences, Professor of
the Institute of European Studies, Tamkang
University.
Taiwan, New Taipei City.

Abstract

Art historians are often surprised - sincerely or feignedly - the extraordinary vitality of artistic traditions. Much less often they can explain why it is traditional art that is vital. Creativity of the artist Tsai Yu-chen from the city of Began helps to understand this riddle.

Keywords: the artist Tsai Yu-chen, modern art of Taiwan, Chinese calligraphy, Chinese traditional art.

Bibliographic description for citation:

Malyavin V.V. An experiment in humility. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*, 2016, No 2(3), pp. 93-99.
DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2016.02.009. Available at: <https://readymag.com/u50070366/575921/21/>
(In Russian).

Received: August 15, 2016.